

Мацкевич Андрей Юрьевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры политологии и социологии
Бурятского государственного университета

Мацкевич Ирина Владимировна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры менеджмента
Бурятского государственного университета

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЯСНЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация:

В статье предпринимается попытка оценить потенциал объяснения в социологии управления, проанализировать его разные варианты. Рассматриваются возможности социологического объяснения с точки зрения трех социологических парадигм (социального поведения, социальных определений, социальных фактов) на примере конкретного управленческого процесса – реализации региональной программы «Педагогическое образование».

Ключевые слова:

социология, социологическая теория, социология управления, управленческий процесс, социологическое объяснение, «Высокая теория», абстрактный эмпиризм, социологические парадигмы, парадигма социального поведения, парадигма социальных определений, парадигма социальных фактов, бюрократическая теория, феноменологическая социология, теория социального обмена.

Matskevich Andrey Yurievich

PhD in Social Science, Assistant Professor,
Political Science and Sociology Department,
Buryat State University

Matskevich Irina Vladimirovna

PhD in Social Science, Assistant Professor,
Management Department,
Buryat State University

RESOURCES OF SOCIOLOGICAL EXPLANATION OF MANAGEMENT PROCESSES

Summary:

The article assesses the potential of explanation in the sociology of management, reviews its different options. The authors consider the resources of sociological explanation in the framework of three sociological paradigms (social behaviour, social definitions, social facts) by case study of the particular management process – implementation of the regional program "Teachers' Training".

Keywords:

sociology, sociological theory, sociology of management, management process, sociological explanation, "Grand theory", abstract empiricism, sociological paradigms, paradigm of social behaviour, paradigm of social definitions, paradigm of social facts, bureaucratic theory, phenomenological sociology, theory of social exchange.

В социологии управления часто приходится сталкиваться с объяснением *post factum*. Несмотря на то что такие объяснения обладают не очень большой доказательной ценностью и остаются на уровне правдоподобия, их необходимость определяется самим содержанием управленческих процессов. В данной статье предпринята попытка оценить потенциал объяснения в социологии управления, проанализировать его разные варианты. На примере конкретного управленческого процесса – реализации региональной программы «Педагогическое образование» – попытаемся показать возможности социологического объяснения с точки зрения трех социологических парадигм: социального поведения, социальных определений, социальных фактов.

Социология возникла из потребности объяснить новый социальный порядок, новое институциональное устройство общества, формировавшееся в европейских странах в XIX в. Предлагая проект новой науки об обществе, О. Конт подчеркивал ее синтетический характер. Она должна была синтезировать фактические достижения конкретных социальных наук и, самое главное, дать объяснение развития общества как целостного исторического процесса. Неслучайно, что главным методом социологии О. Конт считал метод исторического сравнения. Правда, предлагаемая ученым объяснительная схема была чересчур умозрительной даже для его современников и справедливо подвергалась критике. Но сама идея необходимости науки, сводящей социальные знания в единое целое и дающей их общую теоретическую интерпретацию, имела многочисленных сторонников [1].

Претензия контовской социологии стать своеобразной царицей социальных наук, которые должны добывать для нее фактический материал, осталась нереализованной. Возникла необходимость обоснования социологии как специальной научной дисциплины, обладающей своими предметом и методом. Эту задачу попытался разрешить Э. Дюркгейм в своей знаменитой работе «Правила социологического метода» [2]. В ней он определил предметом социологии социальные факты и ввел различие между функциональным и причинным объяснениями. Первое объясняет

существование социального явления его полезностью, а второе – действием побуждающего фактора. Преимущество Э. Дюркгейма отдавал второму способу, но утверждал, что функция (полезность) может выступать побуждающим фактором (причиной). Главным методом выявления причин и, соответственно, главным методом социологии он называл сравнительный метод. Однако это не метод исторического сравнения, как у О. Конта, а метод «сопутствующих изменений» – статистической корреляции, позволяющий интерпретировать конкретный фактический материал. Кроме того, ученый ввел главное правило социологического объяснения: социальные явления должны объясняться только социальными явлениями, что позволяет избежать биологической или психологической редукции и тем самым еще раз обосновывает социологию как самостоятельную научную дисциплину.

Блестящую демонстрацию применения предлагаемого метода Э. Дюркгейм осуществил в своей работе «Самоубийство» [3], до сих пор считающейся одним из лучших прикладных исследований в социологии. Основываясь на материале государственной статистики, он последовательно показал отсутствие статистической корреляции между динамикой самоубийств (социальный факт), динамикой врожденных патологий (биологический факт) и психических заболеваний (психологический факт), доказав справедливость своего главного правила. Затем он проанализировал изменение количества суицидов в зависимости от типов социальных общностей, к которым принадлежали самоубийцы. Выявленные корреляции объясняются состоянием социальной солидарности. Такой способ объяснения Г.С. Батыгин называет контингенцией – приписыванием абстрактного понятия существующим эмпирическим группировкам и взаимосвязям [4]. Насколько данный способ действительно объясняет социальные явления – вопрос дискуссионный, но типология самоубийств Э. Дюркгейма до сих пор используется не только в прямом смысле, но и как одна из теорий, объясняющих девиантное поведение как таковое.

Следующий шаг сделал М. Вебер. Основываясь на неокантианской гносеологии, он определил целью социологического исследования понимание смысла коллективных и повторяющихся социальных действий. То есть понимание в данном случае мыслится основой социологического объяснения [5]. Инструментом понимания выступают идеальные типы – теоретические конструкции, которые представляют социальное явление в максимальной логической связности и рациональности. Объяснение приобретает теоретическую нагруженность. Социолог сознательно строит понятийные системы, пытаясь выяснить причины отклонения реальности от этих «логических утопий». Идеальные типы выступают указателями направления выдвижения гипотез. Они позволяют истолковать смысл социального явления для действующих лиц, основываясь на определенной модели рациональности или отклонения от нее. Это дает возможность объяснять как отдельные социальные явления, например религию, так и длительные исторические процессы, например становление капитализма.

Метод, предлагаемый Э. Дюркгеймом, предполагает наличие обширного статистического материала, длительных динамических рядов. Здесь факты уже предварительно собраны, сгруппированы и требуют выявления статистической связи и объяснения ее. Метод М. Вебера основан на предварительном теоретическом конструировании и может служить для сбора эмпирических данных и их группировки. Социолог определяет основные понятия, в рамках которых он будет интерпретировать эмпирический материал, диагностирует их, выявляя наблюдаемые характеристики, а затем пытается измерить эти характеристики и установить их взаимосвязи.

Такой способ особенно привлекателен в том случае, если по интересующей социолога проблеме нет готового статистического материала. Он становится основой того, что обычно называют социологическим исследованием, или социологическим методом, – получения информации посредством опроса респондентов и последующих группировки и объяснения этой информации. Это не снимает до конца проблему интерпретации хотя бы потому, что мы получаем информацию не столько о самом социальном явлении, сколько о мнениях респондентов по поводу него. Следует отметить и то, что опрос как способ получения социальных данных появился задолго до становления социологии как таковой и во многом становился популярным параллельно с развитием социологического знания. Однако именно социологи придали ему научный статус, не только уделяя большое внимание разработке процедурных вопросов, но даже выступив с претензией сделать этот метод общим для всех социальных дисциплин и тем самым социологизировать их [6].

К концу 40-х гг. XX в. в социологии сложилось две модели социологического исследования, которые Ч.Р. Миллс образно назвал «Высокой теорией» и абстрактным эмпиризмом [7]. Первая пытается создать систему абстрактных понятий, в рамках которых описывались и интерпретировались бы все стороны социальной реальности. Но высокий уровень обобщения приводит к тому, что переход к эмпирической социальной реальности оказывается практически невозможным. При этом сама «Высокая теория» становится переводом здравого смысла (того, что мы воспринимаем как само собой разумеющееся) на абстрактный метаязык.

Вторая модель сосредоточивается на процедурах социологического метода. Ее целью становится получение «достоверной» информации как таковой, безотносительно теоретических допущений, на которых получение данной информации должно быть основано. Как констатирует Р. Мертон, такие социологи лучше знают, как проверять гипотезы, умеют их выводить [8]. Таким образом, несмотря на то что эти модели противоположны по стилю, они приводят к сходным результатам. С одной стороны, у нас есть теория, которая не объясняет, а скорее описывает социальную реальность, причем создаваемые ею понятия зачастую не проясняют, а затемняют смысл социальных явлений. С другой стороны, есть отточенный метод, позволяющий получать эмпирические обобщения, интерпретировать которые он не может.

Этот разрыв между теорией и эмпирическими исследованиями Р. Мертон и предлагает заполнить тем, что он называет теорией среднего уровня [9]. С его точки зрения, теория среднего уровня является средней в двух смыслах. Во-первых, она не претендует на охват всей социальной действительности, она имеет дело с той или иной ее частью. Во-вторых, она занимает промежуточное положение между абстрактными понятиями и эмпирическими обобщениями, концентрируясь на уровне аналитических суждений. Теория среднего уровня позволяет сохранить наличие различных социологических школ. Поскольку ни одна из попыток создания единой теории не увенчалась успехом по причинам, обсуждение которых выходит за рамки данной статьи, вышеуказанное обстоятельство является важным доводом в пользу теории среднего уровня. Таким образом, данная теория позволяет, с одной стороны, интерпретировать различные стороны социальной действительности в соответствии с той теоретической школой, которая представляется для данного аспекта социальной реальности наиболее адекватной. С другой – интерпретировать социальное явление или процессы с точки зрения разных школ, что делает объяснение более комплексным и взаимодополняющим.

Проиллюстрируем возможности социологического объяснения конкретного управленческого процесса на основе теоретических построений различных теоретических школ в социологии. Выделение таких школ является в свою очередь результатом метатеоретической интерпретации, их количество и названия часто варьируются. Остановимся на схеме Дж. Ритцера, которая, будучи не единственной попыткой схематизации, является не менее обоснованной, чем все остальные. Свою группировку социологических теорий ученый, используя термин Т. Куна [10], называет парадигмой, понимая под этим «фундаментальный образ предмета изучения науки. Она служит для определения того, что должно изучаться, какие вопросы должны ставиться и как, каким правилам нужно следовать при интерпретации полученных ответов» [11, с. 570–571].

С точки зрения Дж. Ритцера, в социологии существуют три господствующих парадигмы:

- парадигма социальных фактов;
- парадигма социального определения (дефиниций);
- парадигма социального поведения [12].

Образцом для парадигмы социальных фактов, естественно, является творчество Э. Дюркгейма. В данной парадигме особое внимание уделяется социальным структурам (социальным фактам) и их воздействию на индивидуальное мышление и поведение. Сторонники этого подхода пытаются продемонстрировать, что социальное взаимодействие в значительной степени структурировано, и эта структурированность (институционализация) делает возможным объяснение социальных явлений. В эту парадигму включаются прежде всего структурный функционализм и теория социального конфликта (несмотря на кажущуюся противоположность подходов). На самом деле различие между ними состоит в определении степени упорядоченности социальных фактов и способов поддержания этого порядка (моральный долг или принуждение).

Образцом для парадигмы социальных определений (дефиниций) являются работы М. Вебера, посвященные анализу социального действия [13], хотя теории, с точки зрения Дж. Ритцера входящие в эту парадигму, не всегда основаны непосредственно на веберовских идеях. Так, в основе символического интеракционизма лежит социальный бихевиоризм Дж. Мида [14], а в основе феноменологической социологии А. Шюца – феноменологическая философия Э. Гуссерля и социология знания М. Шелера [15]. Объединяющим моментом здесь является символическое конструирование социальных ситуаций действующими лицами и воздействие этого конструирования и его интерпретации на социальное взаимодействие.

Образцом для парадигмы социального действия Дж. Ритцер считает бихевиористскую психологию Б. Скиннера, социологизированную Дж. Хомансом [16]. Социальное взаимодействие здесь рассматривается как процесс социального обмена положительными и отрицательными стимулами, вызывающими ответные реакции, скорее неосознанные, чем осознанные. Предполагается наличие устойчивого комплекса правил, по которым участники взаимодействия реагируют на стимулы. Эти правила и служат для объяснения социальных процессов. Основная теоретическая школа здесь – теория социального обмена.

В качестве примера управленческого процесса возьмем реализацию целевой региональной программы «Педагогическое образование», принятой Правительством Республики Бурятия в 2015 г. Проблемная ситуация, вызвавшая появление этой программы, состояла в следующем: педагогические кадры в республике, особенно в сельских районах, характеризуются высоким средним возрастом; существует дефицит учителей по отдельным дисциплинам (иностранный язык, математика). Целью программы стало привлечение молодых специалистов, обучающихся в вузах Бурятии, в сельские школы. Реализация программы осуществлялась в форме курсов профессиональной переподготовки, организуемых Бурятским государственным университетом. Это позволило специалистам, не имеющим педагогического образования, получить его, а специалистам, имеющим педагогическое образование, освоить преподавание параллельных дисциплин (русский язык и литература, физика и математика, история и обществознание, химия и биология и т. д.). Переподготовка осуществлялась за счет средств республиканского бюджета, при этом обучающиеся, прошедшие переподготовку, должны были, согласно договору, отработать три года в сельской школе.

Правительство Республики Бурятия в лице Министерства образования и науки выделяло деньги районным управлениям образования, а те передавали их школам в соответствии с их заявками. Комплектование курсов осуществлялось непосредственно директорами школ. Они лично встречались с потенциальными слушателями и подписывали трехсторонние договоры о прохождении курсов профессиональной переподготовки между обучающимся, школой и университетом. Несмотря на довольно гибкую схему, учитывающую интересы школ (получение молодого специалиста с дефицитной специальностью на три года), программа своих целей не достигла. Фактический средний возраст слушателей оказался весьма высоким, а потребность в дефицитных кадрах не была полностью закрыта, так как на курсы были зачислены в большинстве своем действующие учителя школ. Ниже мы попытаемся дать социологическое объяснение расхождению целей и результатов реализации программы «Педагогическое образование» с точки зрения различных социологических парадигм.

Для объяснения с точки зрения парадигмы социальных фактов возьмем теорию бюрократии Р. Мертон и М. Крозье. Концепция бюрократии как идеального типа социальной организации была разработана М. Вебером [17]. Он полагал, что бюрократия – это наиболее рациональный способ организации процесса управления и достижения организационных целей. Она характеризуется строгим разделением функций с четким определением обязанностей каждого исполнителя и вертикальным распределением ответственности в виде иерархии. Еще одна характеристика бюрократии – формализм. Он предполагает наличие четко установленных правил взаимодействия, обычно зафиксированных письменно и поддерживаемых социальными ритуалами. В бюрократической организации индивид выступает не как личность, а как должность. За исполнение своих должностных обязанностей сотрудники получают денежное вознаграждение, которое увеличивается вместе с формальным повышением статуса и/или выслугой лет (принцип карьеры). Формальность отношений в организации, включая рутинное принятие на работу и увольнение, призвана нивелировать роль личностного компонента в социальных взаимодействиях и сосредоточиться на выполнении должностных обязанностей. По сути, бюрократический управленческий процесс – это применение абстрактных правил к конкретным случаям. Такая организация процесса управления делает его наиболее эффективным в техническом смысле. Бюрократия – это последовательная реализация технологии письма в управленческом процессе.

Основываясь на этой модели, Р. Мертон [18] утверждает, что такая структура имеет не только функциональные (техническая эффективность), но и дисфункциональные (подмена цели) проявления. Подмена цели может быть разных видов. Во-первых, в ходе функционирования бюрократической организации реализация ее непосредственных целей может подменяться строгим следованием ритуалу, то есть тщательным соблюдением внутриорганизационных правил, даже если они препятствуют достижению цели организации. Во-вторых, в ходе функционирования бюрократической организации цели сохранения status quo сотрудников могут превысить собственные цели организации и вступить в противоречие с интересами внешней по отношению к организации среды. Стремление сохранить свои должности и саму организационную структуру неизменной ставит интересы выживания организации выше ее целесообразности. В приведенном нами примере реализации программы «Педагогическое образование» можно объяснить расхождение целей и результатов подменой цели целью второго типа. Поскольку решение о том, кого отправлять на курсы, было передано директорам самих школ, цель сохранения существующих работников превзошла цель повышения качества учебного процесса. Возможность пройти профессиональную переподготовку за счет средств регионального бюджета была воспринята как бесплатный способ укрепления своего статуса внутри организации. В результате в программу попали даже сами действующие директора школ.

М. Крозье [19] также анализирует дисфункциональные последствия существования бюрократической организации. В отличие от Р. Мертона, он связывает их не с подменой организационных целей, а с самими свойствами бюрократии как социального явления. Ученым выделяются четыре основные характеристики бюрократии. Первая из них – механизм параллельной власти. Поскольку бюрократия – это приложение общего правила к частному случаю, то чрезвычайно важным становится принятие решений в нестандартной ситуации. Когда бюрократ сталкивается с проблемой, для решения которой нет установленного правила, он применяет «параллельную» власть, то есть берет на себя ответственность за принятие нерегламентированного решения. И чем выше уровень регламентации, чем больше правил устанавливает бюрократическая машина, тем большее значение и ценность приобретает параллельная власть.

Вторая характеристика бюрократии – это безличность. Бюрократическая машина стремится максимально ликвидировать неопределенности посредством установления регламентации. Но ликвидация параллельной власти приводит к тому, что руководство становится формальным контролем за применением правил. Руководящие структуры теряют реальную власть над подчиненными структурами, так как вынуждены выполнять ими самими же установленные предписания. В свою очередь подчиненные лишены возможности влиять на руководящие структуры в силу той же причины.

Третья характеристика бюрократической организации – централизация принятия решений. Она вынуждает создавать «бюрократическую дистанцию», то есть те, кто принимает решения, должны быть отделены от тех, кто эти решения выполняет. Кроме того, решения не должны принимать те, кто подпадает под действие решения. Они же не должны влиять на процесс принятия решений.

Четвертая характеристика бюрократии – стратификация, которая предполагает разделение управленческой иерархии на слои (страты), изолированные друг от друга по причинам безличности и централизации бюрократической организации.

Сочетание и взаимоналожение этих четырех характеристик создает то, что М. Крозье называет бюрократическим порочным кругом. Он состоит в том, что лица, принимающие решения, отделены от тех, кто их выполняет, и не могут контролировать процесс реализации решения. Те же, кто выполняет решение, стремятся сделать выполнение соответствующим установленному регламенту, не особенно интересуясь содержанием. И чем выше уровень регламентации, тем выше вероятность блокирования принятых решений.

В разбираемом нами примере реализации программы «Педагогическое образование» бюрократический порочный круг проявился в полной мере. Министерство образования и науки Республики Бурятия было вынуждено передать принятие решений по подбору слушателей директорам школ, поскольку должно было выполнить установленные правила повышения квалификации педагогических кадров. Директора были вынуждены принимать решения, касающиеся их самих и под воздействием тех, на кого эти решения направлены. В результате реализация программы оказалась заблокированной, и ожидаемый результат не был получен.

Для объяснения с точки зрения парадигмы социальных дефиниций возьмем феноменологическую социологию, точнее, теорию конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана [20]. Феноменологическая социология рассматривает социальное взаимодействие как процесс, управляемый знаниями его участников. В ходе диалектического процесса институционализации, легитимации и интериоризации люди создают объективированный социальный мир и интернализируют его в ходе социализации. Большое значение для социального действия имеет здравый смысл – само собой разумеющееся знание, неподвергаемое критической рефлексии. В приводимом нами примере реализации программы «Педагогическое образование» здравый смысл оказал существенное воздействие на принятие решений. Директорам школ было проще и непроблематичнее предложить пройти повышение квалификации знакомым им людям, которые уже работают вместе с ними, социальный запас знания, а также схемы релевантности которых по большей части совпадают с их собственными. Подписывать договор с выпускником вуза, не имеющим опыта педагогической деятельности, с позиции здравого смысла – это «приобретать коша в мешке».

С точки зрения парадигмы социального поведения объяснение данного управленческого процесса могло бы состоять в предположении о том, что руководство в лице Министерства образования и науки не создало для директоров школ соответствующих стимулов для осуществления выбора в пользу молодого специалиста. Правда, теория социального обмена имеет дело скорее с нерациональными, чем с рациональными действиями, а принятие управленческого решения обладает определенным уровнем рациональности.

В данной статье предпринята попытка оценить потенциал объяснения в социологии управления, проанализировать разные варианты социологического объяснения. На примере конкретного управленческого процесса – реализации региональной программы «Педагогическое образование» – была показана возможность его социологического объяснения с точки зрения трех социологических парадигм: социального поведения, социальных определений, социальных фактов. Проведенный анализ позволяет сделать определенные выводы. Теоретический вывод состоит в том, что мультипарадигматичность социологии не является препятствием для социологического объяснения, а, наоборот, делает его более комплексным. Так, в разбираемом нами примере наиболее адекватные объяснения были получены на основе теорий бюрократии и конструирования социальной реальности. Теория бюрократии предложила объяснения на организационном уровне, а феноменологическая социология – на уровне межличностного взаимодействия. Практический вывод состоит в том, что при принятии управленческого решения необходимо учитывать закономерности, установленные социологией управления.

Ссылки:

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 5–164.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1994.
4. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М., 1995.
5. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 495–546.
6. The Language of Social Research. Glencoe, 1955.
7. Mills C.R. The Sociological Imagination. N. Y., 1975.
8. Merton R. Social Theory and Social Structure. N. Y., 1968. P. 139–155.
9. Ibid. P. 39–72.
10. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.
11. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 570–571.
12. Там же.
13. Вебер М. Указ. соч. С. 602–643.
14. Mead G.H. Mind, Self, and Society. Chicago, 1967.
15. Schutz A. The Phenomenology of the Social World. Evanston, 1967.
16. Homans G. Social behavior. Its elementary forms. N. Y., 1974.
17. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. N. Y., 1997.
18. Merton R. Op. cit. P. 249–260.
19. Crozier M. The Bureaucratic Phenomenon. New Brunswick, 2009.
20. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

References:

- Aron, R 1993, *Stages of development of sociological thought*, Moscow, (in Russian).
Batygin, GS 1995, *Lectures on the methodology of sociological research*, Moscow, (in Russian).
Berger, P & Lukman, T 1995, *Social Construction of Reality*, Moscow, (in Russian).
Crozier, M 2009, *The Bureaucratic Phenomenon*, Brunswick New.
Durkheim, E 1994, *Suicide: a sociological study*, Moscow, (in Russian).
Durkheim, E 1995, *Sociology. Its subject matter, method, purpose*, Moscow, pp. 5-164, (in Russian).
Homans, G 1974, *Social behavior. Its elementary forms*, N. Y.
Kuhn, T 2003, *The Structure of Scientific Revolutions*, Moscow, (in Russian).
Mead, GH 1967, *Mind, Self, and Society*, Chicago.
Merton, R 1968, *Social Theory and Social Structure*, N. Y., pp. 139-155.
Mills, CR 1975, *The Sociological Imagination*, N. Y.
Ritzer, G 2002, *Modern sociological theory*, St. Petersburg, pp. 570-571, (in Russian).
Schutz, A 1967, *The Phenomenology of the Social World*, Evanston.
The Language of Social Research 1955, Glencoe.
Weber, M 1990, *Selected works*, Moscow, pp. 495-546, (in Russian).
Weber, M 1997, *The Theory of Social and Economic Organization*, N. Y.